

БОЕВЫЕ СТРЕЛЬБЫ

На контрольных стрельбах на винтополигоне мы с Абрашей заняли два первых места по скорости стрельбы. Не зря на губе нас тренировал курсант-артиллерист. Оказалось, что на боевых стрельбах с закрытых огневых позиций стрелять боевыми снарядами будут по два курсанта от каждого взвода. Комбат решил, что от нашего взвода стрелять будем мы с Абрашей.

На другой день с утра курсанты получили сухой паек на двое суток, вещмешки, одеяла и, конечно, автоматы.

Чтобы сборы нам не показались медом, командование решило устроить для студентов тридцатикилометровый марш-бросок от вокзала до полигона. С полной выкладкой, одеялами, автоматами и котелками мы шли по проселкам, полям и деревням. Стояла необычная для конца августа жара под тридцать градусов. Гимнастерки у ребят потемнели от пота, а лица посерели от дорожной пыли. В середине дня, голодные и усталые, мы подошли к какой-то деревне. По команде комбата взвод перешел на строевой шаг.

– Песню! – зычно скомандовал комбат, уверенный, что сейчас грянет песня.

– Все настолько устали, что, не сговариваясь, дружно игнорировали приказ. Прошла минута. Батарей, отбивая четкий шаг по пыльной дороге, молча шла по селу.

– Судариков! – выкрикнул комбат фамилию нашего запевалы. – Песню!

Деваться Сереге было некуда, одно дело, когда все вместе молчат, а другое когда ты сам не выполняешь приказ командира – верная губа.

– Моя Маруся дорогая,

Я не забуду твои ласки...

– затянул Серега непередаваемо гнусным фальцетом.

– Отставить! – комбат понял, что над ним насмеются. – Батарей, стой! Кру... гом! Бегом марш!

Мы пробежали назад добрых полкилометра.

– Объясняю! – длинноногий капитан важно, словно журавль, выхаживал перед запыхавшимся строем, голос его был ровный как будто он сам не бежал рядом с нами. – Традиция русской армии: населенные пункты проходить только маршем и с песней! Сами скоро будете офицерами. И посмотрите на себя! Вы же геологи! Я вдвое старше вас, устал не меньше, но не кисну.

– Песню! – зычно выкрикнул комбат.

Мы дружно грянули: – «Эх, Ладога, родная Ладога». Заслышав песню, женщины выглядывали из окон домов и с гордостью смотрели на бравых солдат. Нам тоже стало приятно, и усталость сняло как рукой. Прав комбат, хорошие у нас традиции!

За нами шли историки. Взвод у них был всего двенадцать человек. Двухрядная колонна смотрелась очень смешно. Первым выступал худощавый парень двухметрового роста в очках, а последним шел курсант чуть больше метра пятидесяти. Но пели историки лучше всех и очень артистично. Их запевала имел густой красивый баритон. Особенно историкам удавалась песня стражников из мультфильма «Бременские музыканты». Их взвод как раз и напоминал колонну тех стражников. Впереди, сверкая очками, вышагивал высоченный парень. Автомат за его плечами больше напоминал детскую игрушку. Замыкающий едва тащил свой автомат, казавшийся по сравнению с воином непомерно большим.

Коротышка очень комично пел окончание куплетов, словно молоденький петушок выкрикивая:

«Большо..о..о..й секрет!»,

И один грустно пел слова припева:

«Ох, рано, встаёт охрана!»

Жители покатывались со смеху. В одной из деревень мы нагнали комбата второй батареи, который тащил под руку толстого разомлевшего биолога. Икры ног у курсанта были такие толстые, что не лезли в сапоги, и командование разрешило ему надрезать сверху голенища. С мученическим выражением на лице, хлюпая распоротыми голенищами, биолог с трудом передвигал ноги. Пилотка его была зажата в руке, по красному лицу катился пот. Комбат поддерживал студента под локоть.

Женщины около магазина, с гордостью смотревшие на наш бодрый строй, вдруг заметили толстого биолога, пылящего за нами следом.

– Господи! – удивились они. – А это кто же такой страшный?

– Настоящий воин должен внушать страх! – выкрикнул Абраша,

– Это мы языка взяли! – добавил я под дружный хохот взвода.

На полигоне курсантов разместили в десятиместных палатках. Нас с Абрашей отправили в наряд на кухню. Работа в наряде была легкой. Ни тебе мытья посуды – у каждого курсанта был свой котелок, ни изнурительной ночной чистки картофеля. Мы убрали столы после ужина офицеров и нас отпустили еще до отбоя.

Утром на нескольких мощных Уралах всех курсантов отвезли на показательные стрельбы. Хорошо оборудованный центральный командный пункт полигона находился на склоне холма. Нас посадили на траву слева от НП. Справа расположились первокурсники ЛАУ – Ленинградского артиллерийского училища. Абраша пошарил рукой в песке и нашел свинцовую картечь прошлого века.

Руководитель стрельб через мощный мегафон рассказывал нам и курсантам ЛАУ о различных видах артиллерийского вооружения. По его команде солдаты зарядили 203 мм миномет, стоявший на площадке ниже по склону. Мину длиной почти в человеческий рост поместили в казенник через дверку и уложили у основания снаряда мешочки с порохом. Дверку закрыли и стреляющий по команде офицера: «Выстрел» дернул за шнур. Миномет содрогнулся и выплюнул мину почти вертикально вверх. Мина была хорошо видна в полете и быстро скрылась в облаках. Её полет длился секунд тридцать. Мина вынырнула из облаков прямо над целью и с грохотом взорвалась, разбросав в стороны тысячи смертоносных осколков.

– Однажды с этого НП из 203 мм миномета стрелял один сержант срочной службы – заместитель командира огневого взвода, – разносился над горой, усиленный мегафоном, голос руководителя стрельб. – Он получил целеуказание, но, торопясь с расчетами, перепутал координаты цели и наблюдательного пункта. Передав по телефону команду на огневую позицию, сержант понял свою ошибку, но миномет уже выстрелил. Пробив низкие облака, мина ушла вверх. В полете снаряд находится около тридцати секунд. Сержант подбежал к руководителю стрельб и доложил: «Товарищ полковник, при расчетах я перепутал координаты цели и наблюдательного пункта, через пятнадцать секунд здесь будет мина». Как всем известно, бегущий полковник в мирное время вызывает смех, а в военное – панику.

Курсанты дружно заржали старой армейской шутке.

– Воронку от разрыва этой мины вы можете видеть в тридцати метрах ниже по склону. К счастью, никто не пострадал. После этого случая для всех орудий стали делать ограждения из бревен.

Больше всего курсантам понравилась стрельба прямой наводкой из новой гаубицы и противотанковой пушки – рапиры. Расчеты состояли из курсантов ЛАУ. Рапира стреляла, точно поражая цели на расстоянии двух километров. Ее трассирующие снаряды были хорошо видны в полете и сметали деревянные пушки.

На горе, за нашими спинами, бойцы заряжали двухметровыми снарядами установку реактивной артиллерии – сорокоствольный «Град».

С НП по очереди стреляли офицеры, а руководитель через мегафон комментировал особенности стрельбы с закрытых огневых позиций.

И вдруг, без всякого предупреждения, на горе заработала сорокоствольная установка реактивной артиллерии. Воздух наполнился жутким воем реактивных снарядов, которые пролетали почти над нашими головами. Впереди несколько гектаров полигона превратились в море дыма и огня. Такой мощи реактивной артиллерии никто не ожидал увидеть. Когда затихли раскаты, мощный голос руководителя стрельб прогремел в наступившей тишине:

– Ну, как, впечатляет?

Удивленные и потрясенные курсанты дружно и восторженно загалдели.

Настал день стрельб. Я получил боевую задачу подавить батарею противника, используя для целеуказания дальномер.

Руководитель стрельб – коренастый седовласый полковник, указал мне на местности расположение батареи противника. Три деревянных макета орудий еле виднелись за бруствером окопа в трех километрах от моего наблюдательного пункта.

– Цель вижу, понял! – выкрикнул я, и время пошло.

Дальномерщик выдал мне направление на цель и дальность. Я быстро рассчитал заряд, прицел и уровень. Телефонист за спиной эхом повторял мои команды, передавая их на батарею. На огневой позиции шесть 152 мм гаубиц одновременно повернули и подняли вверх тяжелые короткие стволы.

– Первому, один снаряд, огонь! – скомандовал я.

«Первое выстрел!» – выкрикнул на огневой позиции командир взвода, получив по телефону мою команду.

«Орудие!» – скомандовал командир орудия.

Наводчик дернул шнур, и первая гаубица оглушительно ухнула, подпрыгнув на толстых металлических станинах. Трехпудовый снаряд по навесной траектории полетел к цели за восемь километров.

Я наблюдал разрыв сначала без бинокля, затем по шкале окуляра определил отклонение от цели и выдал команду:

– Лево десять.

Дальномерщик навёл свой прибор на облако от разрыва снаряда и определил мне расстояние:

– Три двести!

Я скорректировал огонь гаубицы. Второй снаряд лёг с недолетом в пределах узкой вилки. Можно было переходить на стрельбу всей батареей на поражение.

Пристрелка была окончена, а для стрельбы всей батареей на поражение цели снарядов не полагалось. Дальше последовали учебные команды. Радист передавал их на батарею, но орудия только доворачивались, но не стреляли.

Наконец, проверяющий скомандовал:

– Цель поражена.

– Стой, записать цель четырнадцать, – выдал последнюю команду.

Мишка показал мне, что по времени я отстрелялся на пять баллов.

Вторым стрелял Абраша. Ему досталась стрельба «по наблюдению знаков разрывов». Он быстро с трех снарядов пристрелялся и захватил батарею противника в узкую вилку: перелет, недолет, снова перелет и перешёл на поражение. Руководитель стрельб также поставил ему пятерку.

В курилке мы с Абрашей молча пожали друг другу руки.

– Не зря на губе сидели, – подвел итог Абраша.

После стрельб курсантов построили на плацу. Вдруг нам с Абрашей приказали выйти из строя. Командир части подошел и с усмешкой произнес:

– Да это же нарушители дисциплины! А на пятерку стреляли? Мне что же теперь перед стрельбами всех курсантов и офицеров на губу сажать по вашему примеру?

Комбаты услужливо заржали над остротой начальства.

– За отличную боевую подготовку объявляю вам благодарность, – громко и почти без акцента произнес полковник, отдавая нам честь.

Комбаты дружно взяли под козырек.

– Служим Советскому Союзу! – рявкнули мы с Абрашей в один голос.